

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-115-135

© Е. И. Гончарова

ЛЕТОПИСЕЦ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ (А. А. БЛОК В РАБОТЕ НАД ДОКУМЕНТАМИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)

К материалам, связанным со службой Блока в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК), исследователи обращались не раз, причем как историки, так и филологи; первые, пожалуй, даже чаще последних.¹ Возможно, это вызвано тем обстоятельством, что сводных документальных публикаций и обзорных исследовательских работ по истории Февральской революции введено в научный оборот несравненно меньше, чем существует трудов по двум другим политическим переворотам 1905 года и октября 1917 года, потрясшим Россию в начале XX века. Подготовленный Блоком очерк «Последние дни императорской власти», основанный на подлинных документах, наряду с известным 7-томным изданием стенограмм допросов и показаний, данных ЧСК за период с марта по октябрь 1917 года,² долгое время оставался надежным источником (а в известном роде — и единственным) для изучения политической истории России предреволюционного периода. Сдержанный интерес филологов к обстоятельствам и результатам необычной для поэта-художника служебной деятельности можно, вероятно, объяснить приоритетами в изучении жизни и творчества Блока, когда внимание исследователей направлялось прежде всего на освоение художественного, публицистического и эпистолярного наследия поэта, в котором творческим итогом его работы в ЧСК отводилось менее заметное место.

Независимо от степени остроты проявленного научного интереса, методом освоения этого комплекса документов было изучение и осмысление, как правило, уже опубликованных материалов, в которых так или иначе отражалась служебная деятельность поэта или ее творческие результаты (очерк «Последние дни императорской власти», дневники, записные книжки, отдельные письма), тогда как обширный массив нетронутых документов долгое время выпадал из поля зрения ученых. Среди историков авторами первых работ, основанных на архивных материалах и связанных со службой Блока в ЧСК, стали Б. Ф. Ливчак, Б. Д. Гальперина и З. И. Перегудова.³ Если историков занимали прежде всего обстоятельства и факты деятельности Блока периода службы в ЧСК, то филологи стремились проследить отражение этих фактов

¹ Пирумова Н. М., Шаццло К. Ф. «Демократия опоясана бурей». Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия // Наука и жизнь. 1970. № 10. С. 48–51; Ливчак Б. Ф. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами А. Блока // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 111–123; Иоффе Г. З. 1) А. Блок — историк крушения царизма // История и историки: Историографический ежегодник. 1979 год. М., 1982. С. 176–195; 2) Александр Блок как историк падения монархии (К 90-летию Февральской революции) // Новый журнал (Нью-Йорк). 2007. № 246. С. 234–252; Емельянов Е. В. Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. М., 2012. С. 344–365.

² Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства: В 7 т. / Ред. П. Е. Щеголева. Л.; М., 1924–1927.

³ Гальперина Б. Д. Работа А. А. Блока «Последние дни императорской власти» // Петербургская историческая школа. Альманах: Приложение к журналу для ученых «Клио». 2-й год выпуска: Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002. С. 355–368; Перегудова З. И. 1) Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А. А. Последние дни Императорской власти / Сост. С. С. Лесневский и З. И. Перегудова. М., 2012. С. 298–365; 2) Материалы Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Пути и выбор историка: К 80-летию профессора В. В. Шелохаева. М., 2021. С. 467–514. Работу Б. Ф. Ливчака см. в прим. 1.

биографии в его творческих воплощениях. Наиболее существенный вклад в разработку данной темы по архивным источникам внесла Е. В. Иванова, которой удалось просмотреть огромный массив стенограмм допросов с правкой поэта в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), где сосредоточен обширный фонд ЧСК, а также документы из личного фонда поэта в Институте русской литературы (Пушкинском Доме), и изложить результаты своих изысканий в главах капитальной монографии.⁴ Нельзя не отметить также статьи Г. А. Шабельской, М. Л. Спивак и А. С. Александрова.⁵

Несмотря на опубликованные исследователями материалы, проблема творческих итогов деятельности Блока в ЧСК далека от исчерпывающего освещения. Не входя в разбор известных работ, не можем не отметить некоторых, на первый взгляд, возможно, не столь важных, но требующих уточнения сюжетов, связанных с установлением фактов биографии Блока на момент начала его службы в ЧСК. Сделать это, полагаю, необходимо, так как ошибочные представления продолжают свое бытование и во вновь появляющихся статьях на эту тему.

Начнем с установления истины в отправном для последовавших в биографии Блока 1917 года перемен факте: когда, где и при каких обстоятельствах поэт, находившийся в то время (конец февраля — начало марта) на службе в 13-й инженерно-строительной дружине Западного фронта в районе Пинских болот, около белорусского полеского городка Парохонск, мог узнать о совершившемся в Петрограде перевороте. На этот счет исследователи высказывали самые разные соображения — от утверждений, что Блоку о революции стало известно в поезде (т. е. 17 или 18 марта), когда он ехал из дружины в месячный отпуск домой, до предположения, что о революционных событиях он узнал, лишь приехав в Петроград (19 марта). Между тем имеющиеся объективные данные позволяют с большей определенностью установить это время.

Сразу же отметим, что весть о «революции» пришла в дружину с опозданием: из содержания письма к матери от 1 марта 1917 года можно сделать вывод, что на тот момент Блок о произошедшем в столице еще ничего не слышал.⁶ Однако уже в следующем письме к ней из дружины, от 9 марта, имеются очевидные признаки полученного им известия. Сообщая, среди прочего, о реакции на события в войсках Западного фронта, он замечает: «...Эверт относится к происходящему хуже всех, что отражается на окружающем. Мы с Идельсоном послали приветственные телеграммы: он — товарищу министра юстиции, а я — министру финансов».⁷ Упомянутый генерал А. Е. Эверт, узнав о «восстании» в Петрограде, решил отправить в столицу войска для восстановления законного порядка.⁸ Заметим, что сообщение о протестах в Петрограде было получено на Западном фронте еще 28 февраля, но во избежание брожения в армии предать гласности произошедшее решились только 2 марта.⁹ Весть о революции,

⁴ Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб., 2012. С. 76–86, 220–222.

⁵ Спивак М. Л. 1) Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов в политической публицистике А. А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8 (17). С. 102–118; 2) Сбежавший прокурор, пропавшая княгиня и дерзкая фрейлина: об ошибках в «Последних днях императорской власти» и записях А. А. Блока 1917 года // Русская литература. 2017. № 3. С. 68–81; 3) К вопросу об источниках характеристик в «Последних днях императорской власти» А. А. Блока: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин» и «недружный... Совет министров» // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы / Отв. ред. В. В. Полонский. М., 2017. С. 113–129; Шабельская [Шабельская] Г. А. Новое о Блоке // Вопросы литературы. 1962. № 1. С. 193–197.

⁶ Блок А. А. Письма к родным / Предисловие М. Бекетовой. М., 2015. С. 475.

⁷ Там же. С. 476. Подразумеваются главнокомандующий армиями Западного фронта А. Е. Эверт, сослуживец Блока по дружине Н. И. Идельсон, председатель ЧСК Н. К. Муравьев (подробнее о нем см.: Варфоломеев Ю. В. Николай Константинович Муравьев: адвокат, политик, человек. Саратов, 2007) и министр финансов М. И. Терещенко (1886–1956).

⁸ См.: Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 17 («Телеграмма ген. Эверта ген. Алексею 28 февраля 1917 г. № 6114»).

⁹ См.: Смольянинов М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. М., 2007 (гл. 2. Февральская революция и Западный фронт. Установление двоевластия).

вероятно, привез в инженерно-строительную дружину вернувшийся с совещания в Минске (где располагался Комитет инженерно-строительных дружин Западного фронта) Н. И. Идельсон 1 или 2 марта.¹⁰ Как бы то ни было, о факте переворота в Петрограде Блок знал еще до своего отъезда в отпуск.

Нет единства и в точном определении должности, на которую Блок был зачислен в ЧСК. В свое время оказавшийся в эмиграции бывший следователь ЧСК С. А. Коренев, вспоминая о работе Комиссии, причислил поэта к составу штатных канцеляристов: «Оказалось, что Блок состоит у нас секретарем комиссии. Это была тоже неожиданность, и притом довольно курьезная. Собирать протоколы допросов, следить за их печатанием, вести бумажную часть — совсем уж не шло к служителю муз. И Блок справлялся со всей этой канцелярщиной кое-как».¹¹ Возможно, что сведения о «секретарстве» Блока в Комиссии вошли в труды из этого источника. Подчеркнем, что поэт не только никогда не числился среди секретарей ЧСК, как утверждают и некоторые современные исследователи, но и его отношение к службе было диаметрально противоположно определению мемуариста. Достаточно напомнить, что Блок был принят на службу в качестве литературного редактора стенограмм допросов лиц, привлеченных к следствию вышеуказанной Комиссией, а уже через несколько месяцев выполнения должностных обязанностей был назначен ответственным за обработку всех протоколов. Вряд ли такое доверие было возможно по отношению к человеку, который относился к выполнению своих должностных обязанностей «кое-как». Другое дело, что Блок в ряде случаев привлекался к разовому исполнению секретарских обязанностей (вести запись протокола, сопровождать Муравьева во время обхода содержащихся в казематах лиц), но говорить о его штатной секретарской работе в Комиссии нет никаких фактических оснований. Предметом не менее противоречивых интерпретаций стало и установление даты завершения службы Блока в ЧСК. Этого вопроса мы коснемся ниже.

Революционный Петроград произвел на поэта сильное впечатление. Для Блока наступили дни желанного обновления и перемен, но диссонанс в это радостное настроение вносила тревожившая его неудовлетворенность своим собственным положением. Связанность военной службой, необходимость вернуться по истечении срока отпуска в «бестолочь дружины»¹² угнетали его и заставляли искать возможный выход. Примечательно, что решение беспокоившей Блока проблемы нашлось как будто сразу: уже на четвертый день пребывания в Петрограде, 23 марта, он получает от своего бывшего сослуживца по дружине Идельсона, ставшего секретарем ЧСК, предложение войти в состав группы редакторов, привлекаемых для обработки стенограмм допросов подсудимых. Блок отклоняется не сразу. Пробыв в Петрограде более двух недель сверх отведенных для отпуска дней, он только 6 или 7 мая принимает решение принять повторное приглашение Идельсона. 7 мая состоялось личное знакомство поэта

¹⁰ Блок А. А. Письма к родным. С. 476.

¹¹ Цит. по: *Спроге Л.* «Роковой человек»: к материалам о ЧСК (Блок и С. А. Коренев) // Блоковские чтения — 2020. Материалы юбилейной международной научной конференции к 140-летию со дня рождения Александра Блока и 40-летию Музея-квартиры А. А. Блока, прошедшей 26–28 ноября 2020 года / [Сост. Н. Ю. Грыкалова; отв. ред. И. А. Карпенко]. СПб., 2022. С. 167; впервые: *Коренев С. А.* Александр Блок. К пятилетней годовщине со дня смерти // Слово. Большая русская национально-демократическая газета. 1926. 7 авг. № 230. С. 2. Ср. также: «Особый интерес и важность как с исторической, так и с социально-психологической и литературоведческой точки зрения представляют впечатление секретаря Комиссии А. А. Блока» (*Варфоломеев Ю. В.* Закон и трепет: Очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Саратов, 2006. С. 20).

¹² Блок А. А. Записные книжки 1901–1920 / [Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова]. М., 1965. С. 316. В связи с привлечением не публиковавшихся ранее фрагментов и спорной текстологической подготовкой издания 1965 года, далее записные книжки цитируются по автографам, ссылки на источники приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера листа: ЗК-49 — ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 360; ЗК-50 — Там же. № 361; ЗК-52 — Там же. № 362; ЗК-53 — Там же. № 363; ЗК-56 — Там же. № 364; ЗК-1921 — Там же. № 366 (записная книжка 1921 года, порядкового номера не имеет).

с Муравьевым, и на следующий день Блок уже приступил к исполнению обязанностей по месту новой, временной службы. «...Я один из 3-х редакторов Чрезв<ычайной> следств<енной> комиссии, хожу в Зимний Дворец, читаю письма Николая Романова, работаю дома и должен работать, соблюдая тайну. Надеюсь присутствовать на допросах»,¹³ — писал он жене в тот же день 8 мая.

Верховная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц была образована на следующий день после падения монархии 4 марта 1917 года.¹⁴ Через день ее официальное название изменилось — она была переименована в Чрезвычайную.¹⁵ Поставленные перед ЧСК задачи председатель Комиссии Муравьев сформулировал и кратко выразил на I Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов 16 июня 1917 года (Блок присутствовал на выступлении Муравьева, который накануне советовался с ним по поводу предстоящей речи). По словам Муравьева, Комиссии предстояло подготовить материалы для «ликвидации старого режима».¹⁶ Эта обличительно-обвинительная тенденция и была положена в основу деятельности Комиссии; разделял ее и Блок, который также считал, что своей работой Следственная комиссия должна документально подготовить и помочь новой власти «вынести приговор старому 300-летнему режиму».¹⁷

Заседания ЧСК и опрос свидетелей происходили в Зимнем дворце (здесь же размещалось и Временное правительство), а допросы подсудимых — в Петропавловской крепости. Оказавшись в эпицентре политических событий, Блок почти физически ощущал себя «у сердца Революции».¹⁸ Редакционная группа, также размещавшаяся во дворце, состояла из профессиональных литераторов; помимо Блока в нее входил в это время М. П. Миклашевский¹⁹ и Ф. А. Червинский;²⁰ несколько позднее, в мае же, к ним присоединилась Л. Я. Гуревич.²¹ Состав группы менялся, но количественно оставался малочисленным.

Первый проведенный Президиумом ЧСК допрос состоялся еще в здании Сената 18 марта, и к моменту перехода Блока на службу в распоряжении Комиссии имелись для редактуры стенограммы 35 допросов министров и других должностных лиц бывшего правительства и администрации, а также показаний свидетелей. Поступив в Комиссию, Блок вскоре будет с интересом знакомиться с материалами первого допроса бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова и, понимая историческую значимость документа, делать для себя выписки из него.²² «И ночью, и утром я читаю интереснейший допрос Хвостова А. Н. (кружки, Распутин и пр.)» (Дневник, с. 222).

¹³ А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка, 1901–1917 / [Предисловие Д. М. Магомедовой; послесловие Ю. Е. Галаниной; комм. Ю. Е. Галаниной и др.; под науч. ред. А. В. Лаврова]. М., 2017. С. 621.

¹⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта. № 1. С. 2.

¹⁵ Там же. 12 марта. № 7. С. 1.

¹⁶ Муравьев Н. К. О работе Чрезвычайной следственной комиссии // Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 18 июня. № 95. С. 4.

¹⁷ Блок А. Дневник / Подг. текста, вступ. статья, прим. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 227; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Дневник, с указанием номера страницы.

¹⁸ Блок А. А. Письма к родным. С. 507 (письмо к матери от 19 июня 1917 года).

¹⁹ Миклашевский Михаил Петрович (псевд. — Неведомский М.; 1866–1943) — публицист, литературный критик, активный участник революционного движения, автор книги «Первый год Николая II (Хроника)» (Лондон, 1896; без указания автора), содержавшей резкую критику нового императора. В записях Блока встречается написание и фамилии, и псевдонима.

²⁰ Червинский Федор Алексеевич (1864–1917) — поэт, юрист; приглашен в ЧСК в апреле 1917 года, покинул Комиссию в начале июня.

²¹ Л. Я. Гуревич вошла в редакционную группу ЧСК в мае 1917 года, когда в ней уже работал Блок; оставила службу по состоянию здоровья в августе 1917 года. См.: Гуревич Л. Я. Из воспоминаний о Блоке // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследование: В 5 кн. Кн. 3. С. 846. Ср.: Блок А. А. Письма к родным. С. 491; А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка, 1901–1917. С. 624.

²² ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 20. Л. 3–4 об.

Однако первой самостоятельной работой Блока стало редактирование стенограммы допроса Н. А. Маклакова, возглавлявшего Министерство внутренних дел. За три дня напряженного труда занявший 74 страницы машинописного текста материал был литературно выправлен и обработан. Подробный хронометраж этой новой для поэта работы находим в его записной книжке. 9 мая Блок отметил: «8–9 часов работы до обеда над Маклаковым <...> После небольшой прогулки я опять работал. Всего сегодня часов 10». 10 мая: «Около 7 часов работы над Маклаковым». 11 мая: «Около 6 ½ часов работа над Маклаковым (кончено)» (ЗК-49, л. 13 об. — 14). Над редактированием текста Блок трудился с воодушевлением, но и в высшей степени ответственно. Относясь к выполнению задания с присущей ему добросовестностью, поэт вместе с тем воспринимал порученное как своего рода историческую миссию своего общественного служения революционному народу. «Я вижу и слышу теперь то, — писал он жене, — чего никто почти не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет».²³

12 мая Блок получает пропуск, позволявший ему посещать Трубецкой бастион Петропавловской крепости и присутствовать там на допросах последственных.²⁴ И в тот же день он участвует в допросе бывшего директора департамента полиции С. П. Белецкого. «Белецкий в поношенном пиджаке, умный, хитрый, чрезвычайно много и охотно говорит глухим быстрым голосом. Оборотень немного, острые глаза, разбегающиеся брови на желтом лице»,²⁵ — так описал Блок свое впечатление от допроса. В записной книжке № 49 он только кратко отметил происходившее, но в тот же день завел новую книжку, сделав на обложке надпись: «12–19 V. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Белецкий (4 допроса). Камеры. Горемыкин. Распутинские документы». В ней он подробно описал допрос (ЗК-50, л. 1–14 об.).

Останавливаясь здесь на особенностях работы Блока с получаемым им сырым фактическим материалом и его закреплении для памяти для дальнейшего использования (в том числе творческого), так как именно записные книжки 1917 (и отчасти 1918) года являются важнейшим документальным источником в изучении биографии поэта этого периода. Заметим, что исследователи опирались в своих работах на публикации записных книжек поэта, воспроизводившихся без указания купированных фрагментов и с «совмещенными» текстами из разных книжек, тогда как полное представление о характере записи дают только автографы.²⁶ Отметим, что Блок использовал две записные книжки одновременно, условно назвав одну из них «крепостной» (в ней фиксировались записи допросов в Петропавловской крепости), другую — «дворцовой» (где содержались записи показаний, даваемых в Зимнем дворце).

Редакторская работа увлекла Блока, но держала его в постоянном нервном накале.²⁷ «У меня очень напряжены мозг и нервы, — писал он жене, — дело мое страшно интересно, но оно, действительно, трудное, и берет много времени и *все* силы».²⁸ ЧСК работала в условиях крайне ограниченного срока исполнения поставленной перед ней

²³ А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка, 1901–1917. С. 624 (письмо от 14 мая 1917 года).

²⁴ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 7. Л. 1.

²⁵ Блок А. А. Письма к родным. С. 494 (письмо к матери от 12 мая 1917 года).

²⁶ Полные тексты записных книжек и дневника Блока за 1917 год опубликовал С. С. Лесневский. См.: Блок А. А. Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 115–226.

²⁷ Блок редактировал текст расшифрованных стенограмм первого допроса министра внутренних дел Н. А. Маклакова, допросов приближенной к царской семье А. А. Вырубовой, товарища министра внутренних дел и директора Департамента полиции С. П. Белецкого, дворцового коменданта В. Н. Воейкова, председателя совета министров И. Л. Горемыкина, вице-директора Департамента полиции С. Е. Виссарионова, генерала М. А. Беляева, лейб-медика Е. Ф. Рейна, государственного секретаря С. Е. Крыжановского, министра императорского двора В. Б. Фредерикса, товарища министра внутренних дел И. М. Золотарева, показания московского городского головы М. В. Челнокова, председателя II Государственной думы Ф. А. Головина, протоколы допросов главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Н. И. Иванова, министра внутренних дел А. Н. Хвостова (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 26).

²⁸ А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка, 1901–1917. С. 624 (письмо от 14 мая 1917 года).

задачи: результаты ее деятельности предполагалось доложить Учредительному собранию, назначенному на 30 сентября, и уже в начале июня Блок получает и дополнительное задание: «привести в порядок» стенограммы (ЗК-52, л. 25 об.), числившиеся за сотрудником, уволенным из группы («за леность»)²⁹. По подсчетам Блока, для завершения этого труда ему требовалось еще «26 дней полных (считая 7 часов в день <...>)» (ЗК-52, л. 59 об.).

В конце июня Блок ожидает новое ответственное поручение — разработать и вести сводные таблицы, отражающие весь процесс редактирования получаемых стенограмм (ЗК-53, л. 14). «Вечером я сижу и работаю усталый (надоевшая таблица стенограмм)», — отметил он в дневнике 3 июля (Дневник, с. 223). Составленные таблицы ввиду большого объема Блок разместил на склеенных листах. В них указаны фамилии допрошенных (всего — 59 человек), даты и места проведения допросов и показания, объемы стенограмм, получатели копий материалов, имена редакторов и оценки их редактирования. Чтобы дать некоторое представление о характере и объеме проделанной Блоком работы, приведем только небольшой фрагмент одной из таких таблиц:³⁰

№	Ме-с<яц> и число	Зеленый цвет обозначает отсутствие нужных документов (на 16 III). Допрос	Число стр<аниц> стенограмм	Число стр<аниц> редак-ц<ий> ионного экз<ем-пля>	Секретарь («док<ументов> нет» — отно-с<ится> только к оглаш<енным> и к не предъяв<ленным>)	Редактор	Буква К в графе «Секретарь» означает: конспектировал Е. Я. Черномордик
34.	V 6.	Вырубова	30.	[39]	К док<ументы> Н. Ид<ельсон> и С. Г<уревич>	А. Бл<ок>	1 док<умент> есть, другого нет.
35.	„	Курлов	36.		К док<ументы> Н. Ид<ельсон>	М. Микл<а-шевский>	Нельзя отд<а-вать> в пере-п<иску> (нет 1 доку-м<ента>, есть 2).
36.	12.	ничего Белецкий I	84.		К док<ументы> П. Тагер	А. Бл<ок>	[в пере-п<иске> с 19 VI]. Было у Черно-м<ордика>. Док<ументы>. NB
37.	15.	ничего Горемыкин	35.	35 [32]	К док<ументы> С. Гур<евич>	А. Бл<ок>	Готов (все докум<енты>), сделан [23 VII] 31 VIII.

Обращает на себя внимание наличие в таблицах специальных помет («ничего», «ничего для меня»), которыми Блок фиксировал отсутствие в материалах интересовавших его сведений. Хотя нам неизвестно точное время происхождения этих помет, однако вряд ли будет ошибкой предположить, что появление их так или иначе связано с выполнением возможных творческих задач, в том числе служебных (в частности, и с работой над составлением порученного ему несколько позднее очерка «Последних дней старого режима»). Наполнение таблиц Блок поддерживал в течение всего времени, пока Комиссией велись допросы последственных и снимались показания со свидетелей, т. е. до 11 октября 1917 года.

²⁹ Блок А. А. Письма к родным. С. 504 (письмо к матери от 7 июня 1917 года).

³⁰ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 26.

С начала августа 1917 года должностные полномочия Блока расширяются: по поручению Комиссии он принимает на себя новые обязанности — теперь уже по литературной обработке всех стенограмм и общему контролю за подготовкой поступающих после редактуры материалов.³¹ Для удобства пользования многостраничными документами Блок вводит в них вспомогательный структурный элемент — содержательные выноски на полях стенограмм, в которых сжато формулирует основные темы следственных материалов.³² Рукописные вставки с текстами пропущенных документов (письма, телеграммы и т. п.) аккуратно подклеивались к стенограммам; последние снабжались обложками и визировались Блоком.

Итоги проделанной работы отражались в сводных таблицах, создававшихся Блоком, вероятно, в качестве инструмента редакционного «делопроизводства» для получения наглядности состояния «производственного» процесса и движения материалов по различным стадиям.

Как видно из содержания ряда помет («для себя»), члены редакционной группы обладали разной степенью работоспособности и подготовки к выполнению возложенных на них заданий, что осложняло труд главного редактора. Известны претензии Комиссии к Ф. А. Червинскому; немало нареканий со стороны Блока вызывало качество подготовки материалов М. П. Миклашевским. В этой связи не лишена интереса и краткая оценочная ремарка Блока на работу, представленную Л. Я. Гуревич (ей, в частности, была поручена редактура стенограммы допроса одного из бывших директоров Департамента полиции М. И. Трусевича). Выполнив сверку, Блок отметил: «Готов. (Замеч<ания> председателя 10 VIII. Перепис<ан> очень плохо, ошибки, неразборчиво; на двух стор<онах>). Не нумеров<анные> стр<аницы>). Перепис<ан> ужасно, без документов. <...> Бедная Л<юбовь> Я<ковлевна>!»³³

Блок просмотрел материалы всех восьмидесяти восьми допросов, проведенных ЧСК.³⁴ «В 76-ти стенограммах 3158 (?) — около 3200 страниц», — отметил он промежуточный итог своих занятий в таблице.³⁵ Исследователя рутинного, но крайне ответственного редакторского труда, проделанного поэтом, не может не удивить поразительная самоотдача и высокая работоспособность поэта, имевшего дело с материалом далеко не творческого характера. Отдаваясь целыми днями выполнению служебных заданий, будь то присутствие на допросах в Зимнем дворце или в Петропавловской крепости или редактирование стенограммы дома, он находил время отметить происходящее на его глазах и в личных записях. «Работа, работа. Идут стенограммы на лад», — отмечает он 3 сентября наполнение своего дня (Дневник, с. 253).

Окончательно выверенные стенограммы готовились в четырех экземплярах и распределялись, согласно пометам в одной из таблиц Блока, среди следующих получателей: 2 экземпляра направлялось в Академию наук, неприкосновенный экземпляр — в Московский исторический музей, 1 экземпляр — Н. К. Муравьеву.³⁶ Наиболее полный комплекс стенограмм с правкой Блока сохранился в Государственном архиве

³¹ Выписка из журнала заседания Чрезвычайной следственной комиссии от 4 августа 1917 года: «...просить Блока принять на себя заведование стенограммами» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 27. Л. 2).

³² Позднее, при подготовке материалов ЧСК к печати (см. прим. 2), эти предложенные Блоком тематические выноски сохранит редактор издания П. Е. Щеголев и поместит их в виде аббреже в подзаголовочной части публикуемых стенограмм.

³³ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 26. Л. 13.

³⁴ Еще один (неучтенный Блоком) протокол был обнаружен историками в начале 1960-х годов. См.: Интересная находка (Протокол допроса В. Н. Коковцева Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в сентябре 1917 года) / Вступ. статья, публ., комм. А. Л. Сидорова // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 94–111; № 4. С. 94–117. Историк Ю. В. Варфоломеев насчитывает в общей сложности 90 таких протоколов; см.: Варфоломеев Ю. В. Проведение допросов Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства // Известия Саратовского ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. 2008. Т. 8. Вып. 1. С. 72.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 26. Л. 19. Протоколы допросов с правкой Блока в Государственном архиве Российской Федерации были просмотрены З. И. Перегудовой и Е. В. Ивановой.

³⁶ Там же. № 27.

Российской Федерации, частично они представлены в Российском государственном архиве литературы и искусства, а также в фонде поэта в Пушкинском Доме.

Именно тексты отредактированных при участии Блока стенограмм будут воспроизведены в издании П. Е. Щеголева «Падение царского режима». В целом, подготовленные Блоком и другими редакторами следственные материалы ЧСК представляют собой весьма обширный, хотя и довольно специфический по содержанию комплекс документов, призванный стать фактографической основой готовившегося Отчета Комиссии Учредительному собранию. Они же стали и документальной основой написанного позднее Блоком очерка «Последние дни старого режима», который задумывался и готовился как один из разделов этого Отчета.

В процессе редактирования стенограмм Блок делал для себя выписки из них на отдельных листах, закреплял на бумаге иногда собственные впечатления по поводу прочитанного. Уже в первый день службы он решает: «Надо бы записать разные наблюдения и мысли» (ЗК-49, л. 13). Начало этому собранию заметок было положено выдержками из показаний министра внутренних дел Н. А. Маклакова: отредактировав текст стенограммы первого допроса, Блок выписывает из нее обширные фрагменты. Автограф, озаглавленный «Маклаков», имеет помету: «11 мая — конспект — 20 страниц».³⁷ Дополнительные выписки были сделаны поэтом также позже по итогам работы над стенограммами допросов министра от 14 и 21 июня. В личном фонде поэта в Пушкинском Доме отложилось более сорока автографов с записями такого рода. Отдельные записи сопровождался краткими характеристиками подсудимых. Особый интерес Блока вызывали представители так называемых «темных сил», т. е. лица, входившие в ближайшее окружение царской семьи. Делая о них выписки из допросов, поэт сопровождает фрагменты оценочным отзывом о таком подсудимом, сообщая своему суждению, как правило, негативную окраску.³⁸ Так, отмечая заинтересовавшие его отрывки из стенограммы допроса близкого друга императрицы Анны Вырубовой, он закрепляет в краткой записи свое субъективное мнение о ней, составленное им после посещения узницы в каземате, но в значительной степени еще раньше подготовленное под воздействием оппозиционной прессы, оценками либеральной интеллигенции, а часто просто досужими домыслами: «Как ужасно самое существование таких женщин: она столь же отвратительна, сколь очаровательна; но, переведя это на язык будущего, на честный язык демократии, опоясанной бурей, надо сказать: как же очаровательность может соединяться с отвратительностью? Вырубова была только отвратительна».³⁹

Заметим, что позже около этой крайне нелিপеприятной характеристики появилась более поздняя помета Блока: «Когда я это писал, еще была революция».⁴⁰

Весь комплекс блоковских конспективных материалов обнаруживает характер целенаправленно формируемого фонда источников и вполне может рассматриваться как исходная документальная база предполагавшихся поэтом будущих творческих начинаний. Одним из ближайших по времени итогов обработки этих документов стал очерк «Последние дни старого режима».

Организационным прологом перехода к следующему этапу деятельности ЧСК и участию в ней Блока стало «выделение» из ее состава сформированной еще в конце июня редакционной «подкомиссии» и придание ей статуса специальной Редакционной комиссии по выработке Отчета.⁴¹ Председателем этого нового образования (созданного в конце июля 1917 года) был назначен академик С. Ф. Ольденбург.⁴² Общую

³⁷ Там же. № 14. Л. 2.

³⁸ Три такие характеристики (А. А. Вырубовой, В. Н. Воейкова, А. Д. Протопопова), заимствованные из автографов Блока, были опубликованы в 1962 году. См.: Шобельская [Шабельская] Г. А. Новое о Блоке. С. 197; Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 446–447.

³⁹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 6. Л. 8–9.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

⁴¹ Там же. № 24. Л. 1.

⁴² Академик С. Ф. Ольденбург начал работу в Комиссии 26 апреля 1917 года: «По указу Временного правительства от 26 апреля 1917 года <...> Ординарный Академик Непременный Секретарь Академии Наук Ольденбург назначается Членом Чрезвычайной Следственной Комиссии

редакцию текста Отчета поручили профессору Юрьевского университета Е. В. Тарле, который и составил план его написания.⁴³ Он же предложил названия его частей. Вопрос о содержании конкретных глав Отчета обсуждался и на последующих заседаниях комиссии, состоявшихся в конце июля 1917 года. В состав редакционной комиссии Блок вошел как полномочный член, иногда он исполнял и обязанности секретаря. Протокол заседания 21 июля вел как раз Блок: этот документ, написанный карандашом, сохранился в архиве поэта.⁴⁴ На том же заседании отдельные части Отчета были распределены для подготовки среди девяти сотрудников комиссии.

Формулировка темы, давшей позднее название очерку Блока, впервые встречается в плане Отчета, предложенном Тарле в конце июля или в самом начале августа. Переписав для себя этот план, который в дальнейшем подвергся отдельным изменениям, Блок выделил в нем названия порученных ему глав подчеркиванием: «VI. *Последние дни старого режима* — А. А. Блок; VII — *Протопопов* — А. А. Блок».⁴⁵ Отчет должен был включать в себя тринадцать глав. Из определенных для подготовки двух тем Блок прежде начинает разрабатывать первую (глава VI), как содержательно наиболее сложную. Замысел темы и характерная форма ее написания в виде очерка определенным образом связаны с инициативой Блока. Одним из импульсов к рассуждению по этому поводу стало, вероятно, состоявшееся еще 25 мая в Зимнем дворце «предварительное совещание» о «составлении отчета» ЧСК (ЗК-49, л. 31 об.). По итогам обсуждения Блок уже знал, что будет привлечен к его подготовке: «Я приму участие в составлении отчета, т. е. мне будет поручено написать какую-нибудь часть».⁴⁶ Вечером того же дня Блок, бывший на заседании, продолжает «думать» о «плане отчета», чтобы изложить свои соображения на следующий день утром в очередном собрании Комиссии. Следы этих размышлений обнаруживаются в дневниковой записи, сделанной в тот же день (Дневник, с. 210). Однако результат раздумий не привел к какому-либо конкретному решению, и Блок явился на совещание так и «не составив плана», что не помешало Комиссии одобрить «в общем» проект, предложенный одним из ее сотрудников. Тем не менее мысль о формировании Отчета не оставляла Блока. 1 июня 1917 года он пишет служебную записку «об издании стенографических отчетов», адресуя ее Муравьеву. Именно в ней впервые появляется мысль о желательном предварении такой документальной публикации «сжатым, обобщающим предисловием» и предлагается облечь его в соответствующую содержанию форму: «Предисловием мог бы служить очерк русской власти последних лет и условий, приведших к ее падению»⁴⁷ — определение, в котором, как в зерне, заключена практически программа написания будущего очерка. Развивая свою мысль, Блок указывает, как выполнить эту задачу: «Необходимо вообще дать характеристику власти <...> в ее целом, включая и безответственную власть со всеми влиявшими на нее силами <...> на основании документов неизвестных и <...> руководствуясь исключительно данными неоспоримыми...».⁴⁸ Политическая целесообразность такого начинания не вызвала у Блока сомнений, и, хотя предложенный им проект издания стенограмм не был осуществлен, мысль о желательности дать общую историко-политическую справку состояния «верхов» и обстановка распада старой власти не была утрачена.

Компромиссный характер «плана» Отчета, обсуждаемый на заседаниях 25 и 26 мая, предполагал продолжение поисков приемлемого решения. Несмотря на загруженность

для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главнотруправляющих и других высших должностных лиц» (ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. № 164. Л. 2).

⁴³ Впервые: *Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни*. С. 81–82.

⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 24. Л. 1–4.

⁴⁵ Там же. Л. 5. Очерк об А. Д. Протопопове не был написан. Собранные к нему материалы (сохранились в архиве Блока в Пушкинском Доме) частично вошли в первую главу очерка «Последние дни старого режима». См.: *Александров А. С. «Я выбрал для пробы главу о Протопопове...»: Из истории очерка «Последние дни императорской власти»* // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9. № 3. С. 432–451.

⁴⁶ Блок А. А. Письма к родным. С. 499 (письмо к матери от 26 мая 1917 года).

⁴⁷ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 445.

⁴⁸ Там же. С. 445–446.

текущей служебной работой и полученное задание «привести в известный порядок стенограммы» после ухода Червинского (Дневник, с. 213, 215), мысль о содержательном наполнении Отчета и его форме не оставляет Блока на протяжении последующих двух месяцев. «Все эти дни я думал о заседании по поводу отчета...» — отмечает он в дневнике 20 июня; через день новая запись — «Тысяча комбинаций мешает мне найти свое отношение к отчету, который поворачивается, по-видимому, совершенно не так, как мне брезжит»; чуть позднее фиксирует в нем и свои общие соображения на этот счет: «...использовать тот богатый *литературный* матерьял, который дают именно стенограммы и письменные показания, можно. Такова моя мысль»; «Мыслится русская речь, немногословная, спокойная, важная, веская, понятная» (Дневник, с. 218, 227). Непременное условие — «отчет должен быть проникнут весь, с начала до конца, русским революционным пафосом, который отражал бы <...> все надежды и весь величавый романтизм наших дней» (ЗК-52, л. 51). Подводя итог своим многодневным размышлениям, Блок отмечает: «Это — моя мысль <...> она — коренная и хорошая» (Дневник, с. 228).

В этих положениях нетрудно усмотреть основные принципы изложения, которых Блок будет придерживаться в дальнейшем при написании своего очерка. Однако на том этапе подготовки Отчета (июнь — июль 1917 года) Блок, вероятно, больше ориентируется на ранее исходившее от Муравьева предложение написать для Отчета «характеристики всех»⁴⁹ и еще в конце июня нацелен на его подготовку. «В отчете мне, по-видимому, предстоит дать характеристику министров», — отмечает он 20 июня (Дневник, с. 220). Мысль его еще не выходила, кажется, за рамки предварительного обдумывания общей методики подачи материала и не касалась сугубо прикладного аспекта задачи, выполнение которой должно быть поручено, по его мнению, опытному «литератору-практику», способному «поставить дело выгодно для государства» и придать содержанию требуемую историческим «моментом» идейно-политическую направленность (Дневник, с. 219). При этом, заметим, Блок не рассматривает эти соображения в качестве ориентиров собственной творческой задачи.

По мере уточнения в ходе дискуссий с коллегами относительно содержания тематических разделов будущего Отчета и с образованием «подкомиссии» из лиц, которым поручалось написание конкретных разделов, более ясное очертание получало и задание Блока. Из расплывчато-неопределенного пожелания председателя Комиссии оно, к концу июля, слагается в четко сформулированное задание — подготовить общественно-политический портрет только одного из «министров»: «...я принужден согласиться попросить написать очерк о Протопопове. Муравьев сказал, что будет помогать мне. <...> матерьял интересен, и я испытываю силы над Протопоповым» (Дневник, с. 235). Написание одного из разделов Отчета — новый этап не только в служебной деятельности Блока, но и в его творческой биографии. С ним он переходил от рутинно-технической редакторской работы в Комиссии к более широкой, литературно-аналитической, причем опираясь на необычный в его литературной практике исходный материал. Поэтому Блок осторожно подступал к интересному, но непривычному для него делу, рассматривая его как своеобразный интеллектуальный вызов творческим силам поэта-художника.

Определившись с темой работы на ближайшее будущее, Блок не переставал размышлять над общими вопросами построения Отчета: его не оставляло чувство неудовлетворенности предложенной концепцией («бумажка г. Тагера не план, а конспект»). «По-моему, — записывает он в дневнике 21 июля, — по-прежнему нет плана; что будет из ряда очерков, я не представляю. Почему это отчет?» О том же 25 июля: «Если даже исполнить то, что записано мной в протоколе, получится ряд не связанных между собой статей, написанных индивидуально разными лицами. Кто их свяжет и как?» (Дневник, с. 219, 235, 236). До конца июля соображения, вызванные поиском соответствующей революционному подъему общества наиболее выразительной и исторически убедительной формы Отчета, последовательно отмечаются Блоком в дневниковых

⁴⁹ Блок А. А. Письма к родным. С. 499 (письмо к матери от 26 мая 1917 года).

записях. «Мыслимо: или — большое исследование, исследование *свободное*, с точки зрения *исторической* подходящее к явлениям, требующее времени, пользующееся всем богатейшим материалом; или — доклад *политический*, сжатый, обходящий подробности во имя главной цели (обвинение против старого строя в целом). Я останавливаюсь, по причинам многим <...> на последней форме. <...> Параллельно <...> может стоять чисто криминальный отчет. А главное — материалы, все множество которых всегда может быть к услугам Учредительного собрания» (Дневник, с. 236, 237). В этих записях уже вполне наглядно прослеживается в основных чертах структура будущего очерка Блока, с его «политическим» обзором состояния верховной власти и общественных настроений накануне переворота; выстроенной хронологией событий; разделом документальных «материалов». Столь же последовательно выдержан в нем и намеченный общий обвинительный тон изложения, призванный подчеркнуть усмотренную Следственной комиссией в деяниях самодержавной власти «криминальную» составляющую.

Наконец, после ряда безуспешных обсуждений в редакционной комиссии члены группы приходят к некоему «компромиссу» и принимают за основу для построения Отчета план, предложенный недавно вошедшим в ее состав Тарле. 1 августа 1917 года в записях Блока вновь появляется название его будущего очерка: «Я, по-видимому, беру, кроме „Протопопова“, „Последние дни старого режима“» (Дневник, с. 242). Итак, Блоку доверялось написание едва ли не ключевого раздела того «обвинительного акта» «старому 300-летию режиму» или даже (в его определении) — исторического «приговора», которым представлялся и самому Блоку Отчет Следственной комиссии Учредительному собранию (Дневник, с. 227). Задание еще более значимое, чем составление индивидуального профиля общественного и государственного деятеля Протопопова. Не удивительно, что через несколько дней обдумывания и предварительной работы над очерком Блок записывает в дневнике: «...я чувствую величайшую ответственность, даже боюсь несколько» (Дневник, с. 243).

Между тем ни ясного понимания о временных рамках предполагаемых к описанию событий, ни определенной композиционной структуры очерка у Блока еще не было. Логичным представлялось начать работу именно с уяснения хронологических рамок повествования, и вечером 2 августа Блок принимается за этот «предварительный» этап своего труда, о чем и извещает через день А. А. Кублицкую-Пиотух: «Вчера я приступил к работе для отчета, весь день делал подготовку».⁵⁰ Характер этой вспомогательной работы Блок определил так: «Весь день я составляю по газетам канву из известного политического материала, для того чтобы расшивать потом по ней узоры материалов, добытых комиссией...» (Дневник, с. 242). Если с установлением конечного предела событий, описываемых в очерке, сомнений быть не могло, то относительно отправной точки очерка возникли определенные трудности: отсчет времени следовало начать с какого-то общественно-значимого события или факта. В представленной Н. К. Муравьеву еще 1 июня 1917 года служебной записке с соображениями об издании стенографических отчетов Блок предлагал сопроводить документальную часть публикации «хронологической канвой главнейших этапов деятельности бывшего правительства за последние годы» и намечал «исходные пункты» этой канвы. Датой, символизирующей начало исторического «конца» русской монархии, и, соответственно, отправной точкой отсчета предреволюционной хронологии, в представлении Блока, могло бы стать 9 января 1905 года.⁵¹ Однако, понимая «необозримый» характер предполагаемого к обобщению материала, он в качестве другого знакового события намечает день начала Первой мировой войны — 20 июля (по ст. ст.) 1914 года.⁵² Ни та ни другая дата принята не будет. Вероятно, внутри самой редакционной комиссии долгое

⁵⁰ Блок А. А. Письма к родным. С. 522.

⁵¹ В протоколе заседания редакционной комиссии от 26 июля 1917 года Блок, исполняющий обязанности секретаря, отметил: «Приступить к разработке материала для отчета <...> за исходный пункт расследования принимается октябрь 1905 года» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 24. Л. 3).

⁵² Блок А. А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 7.

время не было на этот счет единого мнения — одним из наиболее ранних таких пределов являлся, кажется, и зафиксированный Блоком в записных книжках (22 июня) период «1905–1909» (ЗК-53, л. 2 об.). В условиях остающейся временной неопределенности Блок начинает составлять хронологическую канву с исторически «бесспорного» периода — а именно, последовательно выстраивает очередность общественно-политических событий «с декабря до половины января 1917» (Дневник, с. 242). Проработав два дня и приняв участие в обсуждении темы на заседании Комиссии, он уже с явным удовлетворением мог отметить в дневнике, что контуры будущего очерка «стали немного выясняться», что позволило ему еще более уверенно сместить нижний порог хронологической канвы; в тот же день он записал: «Тему я определил с 1 ноября» (Дневник, с. 243). Вполне возможно, что установление этой хронологически точной даты отсчета событий стало следствием обсуждения вопроса в редакционной комиссии 5 августа. В истории предреволюционной России день 1 ноября 1916 года обрел значение своеобразной знаковой даты не только потому, что на него пришлось открытие заседаний (последней) IV Государственной думы, но и в связи с потрясшим общество поистине «историческим» политическим скандалом: лидер кадетской фракции П. Н. Миллюков произнес с трибуны Думы речь с беспрецедентными обвинениями высшей власти в государственной измене. В общественно-политических кругах за речью Миллюкова тогда же «установилась репутация штурмового сигнала к революции».⁵³ Блок хотя и связал начало своей «хронологической канвы» с новой датой, в дальнейшем отказался от мысли отодвинуть повествование к ноябрю и отдал предпочтение временному определению более общего характера — «на исходе 1916 года».⁵⁴

Новое служебное задание не освобождало Блока и от исполнения прежних должностных обязанностей — напротив, до предела загружало его и без того крайне наполненный рабочий день. Продолжался изматывавший его своей рутинной труд по редактированию стенограмм (буквально накануне начала работы над очерком Блок завершил редактирование очередного допроса Н. А. Маклакова); обдумывается написание общественно-политической характеристики А. Д. Протопопова; выстраивается хронологическая канва, прорабатывается план составления второго очерка для Отчета и записываются отдельные мысли к нему; в дополнение ко всему Блок получил новое задание — «заведыванье всеми стенограммами с литературной стороны», а организационно он берет на себя и хлопоты по привлечению «помощников для завершения работы» (Дневник, с. 243). Принимая во внимание необходимость уложиться в крайне ограниченные до созыва Учредительного собрания сроки, загрузка для одного человека чрезмерная. А еще продолжалось присутствие на допросах, участие в служебных совещаниях... В этих условиях Блок трудится над обработкой нескольких газет и выписывает из них важнейшие политические сведения. Итогом напряженного труда стала объемная рукопись в 32 листа с приложением вырезок из газет (вставленные или приклеенные между листами автографа, они сохранилась в личном архиве Блока). В сводке обращает на себя внимание более широкий временной охват событий, чем нашедший фактическое отражение в очерке. Свой объемный хронологический «экс-тракт» Блок поместил в папку, сделав на ней надпись:

«Сводка

событий с сентября 1916 года по 26 февраля 1917 года.

Составлено по 1) сводке, сделанной для Чрезв<ычайной> Следств<енной> Комиссии по поруч<ению> С. Ф. Ольденбурга, на основ<ании> „Прав<ительственного> Вестн<ика>“, „Рус<ских> Ведом<остей>“, „Речи“ и нек<оторых> др<угих> газет (815 стр<аниц> на маш<ине>, кроме указателя; время — с 1 мая 1915 г. до 26 фев<р<аля> 1917). 2) Мной по газетам „Бирж<евые> Вед<омости>“ (дек<абрь>), „Речь“ и „Рус<ское> Слово“ (январь и фев<раль>)).⁵⁵

⁵³ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 445.

⁵⁴ Блок А. А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 7.

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 28.

Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что «Сводку событий» Блок готовил по собственной инициативе, так как без хронологически упорядоченного вспомогательного фактического материала невозможно было достичь полноты в обрисовке исторического фона происходившего в очерке. Однако документальная значимость проделанной работы вышла далеко за рамки того утилитарного назначения, которое Блок придавал своей работе: из подсобного «технического» инструмента сводка со временем превратилась в едва ли не уникальный по своему содержанию источник для исторически достоверной реконструкции хроники важнейших событий предреволюционного полугодия. Научная ценность труда Блока для отечественной историографии, по мнению публикатора сводки историка О. А. Поливанова, состоит в том, что это единственная дошедшая до нас летопись «последних дней императорской власти».⁵⁶

В условиях крайне стесненного срока работа над очерком давалась Блоку не просто. В письме от 12 августа он делится своей озабоченностью с матерью: «...работы так много, что я потерял почву и работаю не особенно прилежно. Однако приготавливаюсь к отчету...». Основная трудность — необозримый характер имевшегося в его распоряжении материала: 88 стенограмм допросов и показаний, пространные «мемуарные» записки некоторых арестованных, пожелавших дать развернутые показания, насыщенная летопись общественно-политических событий. Все это требовало не только «физического» охвата (прочитать, просмотреть, сделать выписки), но и глубокого осмысления материала в рамках заданной идеологической установки. «Мне бы овладеть темой и подступиться к материалу, тогда я опять соберусь», — замечает он в том же письме.⁵⁷

Одновременно с составлением хронологической канвы Блок занят обдумыванием плана написания очерка (Дневник, с. 248). К 18 августа он уже мог сформулировать основные положения и на следующий день передал эту «программу» Тарле (Дневник, с. 248).⁵⁸ Тогда же Блок составил подробный перечень документов, необходимых ему для написания отдельных глав очерка. Приведем фрагмент из автографа:

«К последним дням.»

Телеграмма Хабалова, Беляева — у Кампанейца.⁵⁹

Свидетельские показания (главным образом, о пулеметах).

Всеподданнейший доклад М. В. Родзянко 10 февраля 1917 года.

Секретное письменное объяснение Н. А. Маклакова Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии 23 августа 1917 г. (в Петропавловской Крепости).

Письмо Д. Дубенского 28 февраля к С. П. <Федорову>.

(Дальше Тосна поезда не пойдут).

Записка конца 1916 г. из кружка Римского-Корсакова («Так как в настоящее время...»)⁶⁰

Конец августа и сентябрь проходят для Блока в крайне напряженной работе над редактированием стенограмм, срок подготовки которых истекал в сентябре. В дневниковых записях все чаще появляются сетования на усталость, его не оставляют мучительные сомнения в успехе принятого на себя труда: «Я измучен, как давно не был. Мне кажется, что я ничего не успею. Комиссия висит на шее, успеть все почти невозможно» (Дневник, с. 253). Возраставшая тревога усугублялась политическим кризисом в стране, который ощущался в столице особенно остро. Слухи о возможных

⁵⁶ Поливанов О. А. «Сводка событий» А. А. Блока предреволюционных и февральских дней 1917 г. // Блок А. А. Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 366. Работа О. А. Поливанова не была завершена из-за гибели молодого ученого.

⁵⁷ Блок А. А. Письма к родным. С. 524.

⁵⁸ Блок А. А. Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 286–287.

⁵⁹ Правильно: Ювжик-Компанец Виктор Орестович — товарищ прокурора Витебского окружного суда, следователь ЧСК.

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 30. Л. 2. Полный текст автографа готовится к публикации.

«контрреволюционных» сделках на Московском государственном совещании, «корниловский мятеж», опасения беспорядков в столице, успешное наступление немцев на Ригу и ожидаемая их высадка в Финляндии, грозившая ухудшением положения Петрограда, трудности с продовольствием, толки об эвакуации ЧСК в Москву — все это оказывается в поле внимания Блока и отвлекает от творческой деятельности, хотя именно в ней и в погружении в рутинный распорядок исполнения служебных обязанностей он находит отвлечение от удручающих явлений повседневности. Блок с трудом справляется с подступающей внутренней апатией: «Давно нет желания записывать, — отмечает он 12 сентября в дневнике. — Все разлагается. В людях какая-то хилость, а большею частью — недобросовестность. <...> Наступает голод и холод» (Дневник, с. 254). Между тем его торопили с завершением работы, и 2 сентября 1917 года отвечавший за составление Отчета ЧСК Тарле просил прислать Блока «хотя бы предположительный конспект» статьи для Отчета.⁶¹

Таким образом, к началу сентября намеченная Блоком «программа» очерка должна была уже обрести форму более или менее развернутого «конспекта», ознакомиться с которым, вероятно, было важно и по политическим соображениям, и в рамках контроля за служебной деятельностью. Дневниковые записи свидетельствуют: Блок с утра до вечера погружен в работу — просматривает и редактирует обработанные привлеченными исполнителями стенограммы, трудится над очерком. Однако для освещения намеченных в нем тем не всегда имелся необходимый документальный материал, и Блок обращается в Комиссию за содействием. Так было, например, с запросом на получение дополнительных показаний от председателя Государственной думы М. В. Родзянко. Внимательно изучив стенограмму его показаний, Блок сделал обширные выписки на семи листах⁶² и наметил дополнительные вопросы, требовавшие пояснения в связи с написанием одного из разделов очерка. Автограф этого обращения приводим ниже:

«В Чрезвычайную Следственную Комиссию.

Для составления главы о последних днях старого режима было бы важно выслушать объяснения М. В. Родзянко по следующим пунктам:

1. Подготовка к образованию новой власти в конце 1916 и начале 1917 года. Роль представителей союзных держав.

2. Сношения с представителями старой власти в январе и феврале (пока есть только обстоятельный рассказ о царе, Голицыне и Протопопове; особенно желательно знать подробности о сношениях с в<еликим> к<нязем> Михаилом Алекс<андровичем>, Хабаловым, Беляевым и лицами, на обязанность которых <так!> непосредственно лежала охрана Петербурга).

3. Последние дни. Продовольственные затруднения и *объезд* города. События в стенах Думы по мере роста восстания — с 23 февраля. Образование Исполнительного Комитета (27 февраля — между 4 и 8 час<ами> дня?), образование Кабинета (назначение кн<язя> Львова и в<еликого> к<нязя> Николая Никол<аевича>), образование Совета С<олдатских> и Р<абочих> Депутатов.

Роль союзных послов, особенно, Бьюкенена.

Аресты старых министров.

Ал. Блок».⁶³

В распоряжении Блока находился практически весь доступный для обозрения и анализа документальный материал, имевшийся в распоряжении ЧСК. Со временем

⁶¹ Там же. Оп. 5. № 27. Л. 3. Листы в архивной единице смешаны.

⁶² Там же. № 18. Л. 1–8.

⁶³ ГА РФ. Ф. 581. Оп. 1. № 82. Л. 2. Запрос Блока не датирован. Вероятно, он был направлен в Комиссию одновременно с письмом М. П. Миклашевского от 14 сентября 1917 года: «В Президиум Чрезвычайной следственной комиссии. / От своего имени и по поручению А. А. Блока прошу президиум вторично допросить М. В. Родзянко, что необходимо по ходу отчетных работ — для выяснения фактической обстановки последних дней старого режима» (Там же. Л. 1).

он овладел им в такой мере, что мог свободно ориентироваться в собранных данных и делать из них выборку нужных для написания очерка сведений. Отражением проделанной Блоком в этом направлении интеллектуальной работы стал подготовленный им для себя список допросов, иногда с пояснениями, предназначенных для включения в очерк. В нем Блок перечислил допросы 35 лиц.⁶⁴

Повествовательная ткань очерка «пропитана» фактографическим материалом из документов ЧСК.⁶⁵ Взятые в кавычки цитаты были при этом заимствованы из подлинных документов. Пожалуй, никто в Комиссии не владел материалом так глубоко, как Блок.

Между тем начавшиеся в марте 1917 года допросы представителей монархической власти завершились 11 октября, и Блока просили представить отчет о проделанной работе. В полученном от Тарле письме «крайним сроком» предоставления задания называлась дата — 1 октября, которая в условиях продолжавшихся еще допросов не была выдержана.⁶⁶ В этой связи Блока просят выступить 14 октября на заседании Комиссии с кратким отчетом о состоянии дел.⁶⁷ Накануне он отмечает в дневнике: «Бесчисленные работы в Чрезвычайной следственной комиссии. Пишу отчет» (Дневник, с. 255). Однако на совещании редакционной комиссии по составлению Отчета на следующий день он не присутствовал, хотя и подготовил обширную служебную записку об издании «Избранных стенографических отчетов».⁶⁸ Последние в 1917 году дневниковые записи поэта о работе над Отчетом и стенограммами относятся именно к 13 и 15 октября. О дальнейшей деятельности Блока по подготовке материалов ЧСК сведений не имеется: события в Петрограде приближались к моменту, когда само существование Следственной комиссии было поставлено под вопрос.

Продолжалась ли работа над очерком в первые послеоктябрьские месяцы 1917 года, неизвестно: записные книжки этого времени Блок уничтожил, дневник обрывается 19 октября. После событий 25 октября 1917 года Временное правительство было низложено, а документы, собранные Следственной комиссией, опечатаны в Зимнем дворце. Однако «муравьевская» комиссия свое существование не прекратила: 26 октября 1917 года Муравьеву выдали официальное удостоверение, подтверждавшее его положение председателя ЧСК.⁶⁹ Для новой власти собранные Комиссией документы представляли несомненный интерес, и в начале ноября Блок получил из Комиссии письмо с просьбой закончить возложенные на него работы к 1 декабря.⁷⁰ Откликнулся ли Блок на это письмо, остается непоясненным. Последний приказ Следственной комиссии по штату относится к 9 декабря 1917 года.⁷¹

М. А. Бекетова, вспоминая первое послереволюционное время, пишет, что Блок «месяца два был свободен от службы и чувствовал себя, наконец, писателем».⁷² Тяга к творческой деятельности в условиях подчиненности «затягивавшей» в себя «государственной машине»⁷³ ощущается поэтом на всем протяжении работы в ЧСК, которая, конечно, не могла удовлетворить его действительные запросы. Примечательно,

⁶⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 24. Л. 7.

⁶⁵ См.: Александров А. С. О документальной основе очерка «Последние дни императорской власти» // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 4. С. 324–343.

⁶⁶ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 27. Л. 7. Листы в архивной единице смешаны.

⁶⁷ Там же. Л. 12.

⁶⁸ Блок А. А. Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 290–292.

⁶⁹ Варфоломеев Ю. В. Особенности работы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства после октябрьского переворота // *Базис*. 2020. № 2 (8). С. 114.

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 27. Л. 14. Предполагалось, что Учредительное собрание будет созвано 8 декабря 1917 года, но твердой уверенности на этот счет не было. В газете «Вечерний звон» 7 декабря 1917 года появилась статья Д. В. Филофова «Гадание», отражавшая общественное настроение: «Так гадаем мы об Учредительном Собрании. Захотят большевики — оно будет, не захотят — не будет» (цит. по: Гиппиус З. Н. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста, прим. А. В. Лаврова. СПб., 2006. С. 504).

⁷¹ Перегудова З. И. Чрезвычайная следственная комиссия... С. 357.

⁷² Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 173.

⁷³ А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка, 1901–1917. С. 630 (письмо от 21 июня 1917 года).

что в самое «горячее» время работы над отчетом мысли о творческой работе не оставляли его: «Если что-нибудь вообще будет, то и я удалюсь в жизнь, не частную, а „художническую“, умудренный опытом и пообещанный» (Дневник, с. 253).

Первой такой духовной «отдушиной» стал захвативший его в сентябре–октябре 1917 года интерес к театру. В начале сентября Блок узнает о своем избрании в состав Литературно-театральной комиссии государственных театров, входит в состав Репертуарного комитета и погружается в более близкое ему дело. В январе 1918 года восстанавливается и творческая работа: Блок пишет произведения, самым тесным образом связанные с революцией, и высказывает в них свое отношение художника к переживаемым политическим событиям — статью «Интеллигенция и революция», поэму «Двенадцать», стихотворение «Скифы».⁷⁴

С ликвидацией большевиками в ночь на 6 января 1918 года Учредительного собрания деятельность ЧСК утрачивает поставленную перед ней Временным правительством конечную цель: исчез сам общественно-политический институт, собиравшийся «вынести приговор» и решить судьбу «300-летней монархии», над «обвинительным актом» которой Блок и его коллеги так усердно трудились. Однако ушедшая в историческое небытие Комиссия продолжала время от времени напоминать о себе и в новой общественно-политической действительности. 10 января Блок отметил в записной книжке вызов к заместителю Муравьева в Комиссии С. В. Иванову и саркастически констатировал по этому поводу: «...покойная комиссия все еще считает себя существующей? Нет уж, не то время, не та музыка» (ЗК-56, л. 6, 7). От встречи поэт отказался. 18 января 1918 года Муравьев, вероятно извещенный о полном прекращении деятельности Комиссии, обращается к Иванову с просьбой выдать сотрудникам последние «асигновки» за фактически проделанную работу.⁷⁵ Правда, отдельные пометы о контактах с членами теперь уже бывшей Комиссии встречаются в записных книжках Блока и позднее. Так, 25 января 1918 года он отметил: «Тел<ефон> от Л. И. Левидова⁷⁶ (звонить завтра в «Комиссию» к С. В. Иванову...)» (ЗК-56, л. 14). Примечательно, что запись сделана в день, когда в советской газете «Известия» появилось сообщение о передаче дел ЧСК новой структуре — Следственной комиссии Верховного трибунала.⁷⁷

Несмотря на прекращение деятельности Комиссии, обязательства Блока перед ней, связанные с написанием очерка «последних дней старого режима», не считались выполненными и готовившийся материал представлял несомненный литературный, исторический и политический интерес. В марте 1918 года Н. К. Муравьев из Москвы обратился к Блоку с письмом, выразив в нем просьбу о завершении работы, связанной с Отчетом: «П. С. Тагер передаст Вам мои просьбы. Их две: 1) Я прошу Вас во чтобы то ни стало, хотя просто для себя (так себе и скажите), скопируйте наши выписки царских резолюций; 2) закончите Вашу работу по отчету».⁷⁸

Ответным письмом Блока мы не располагаем. В архиве Н. К. Муравьева (ГА РФ. Ф. 1652) письмо нами не выявлено. Можно предположить, что именно обращение бывшего председателя Комиссии и явилось мотивом для возобновления работы над главой отчета «Последние дни старого режима».

Первые записи о возобновлении этого труда появляются у поэта начиная с 18 марта 1918 года. «Тел<ефон> от П. Тагера <...> Вечером — некоторые занятия («Последние дни самодержавия»)» (ЗК-56, л. 34 об.). 20 марта: «Вечер<ом> — некотор<ая> работа («Посл<едние> дни стар<ого> режима»)» (ЗК-56, л. 35 об.). Поддерживает Блок и личное общение с бывшими сотрудниками Комиссии — 21 марта посещает небольшое собрание коллег у П. С. Тагера, где, помимо Блока, присутствовали С. Ф. Оль-

⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Иванова Е. В.* Январская трилогия Александра Блока: «Интеллигенция и революция», «Двенадцать», «Скифы». М., 2020.

⁷⁵ *Переудова З. И.* Чрезвычайная следственная комиссия... С. 357.

⁷⁶ Л. И. Левидов служил при канцелярии ЧСК.

⁷⁷ См.: [Б. п.]. Организация публичного обвинения // Известия Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов. 1918. 23 апр. № 80. С. 5.

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 344. Л. 1.

денбург и М. П. Миклашевский. «Об оконч<ании> статьи», — кратко записал Блок итоги беседы (ЗК-56, л. 36).

Важно подчеркнуть, что при всей самостоятельности в организации материала Блок, вероятно, не считал предлагаемую им редакцию текста окончательной, поскольку согласовывал очерк с бывшим председателем редакционной комиссии Ольденбургом. Одно из обсуждений состоялось 8 апреля в помещении Академии наук и было отмечено в записной книжке: «...в I части моей статьи, говорит С. Ф. О<льденбург>, надо коснуться неск<ольких> слов, нарушающих общий летописный тон» (ЗК-56, л. 46). На протяжении следующих 10 дней Блок правит текст очерка и 19 апреля сдает рукопись в переписку. Очередной раз поэт будет просматривать ее 27 и 28 апреля: в эти дни он сделал сверку копий, полученных из Академии наук, с оригиналом рукописи (ЗК-56, л. 56 об.). Черновая рукопись очерка «Последние дни старого режима» сохранилась в личном фонде Блока в Пушкинском Доме. На лицевой стороне папки с автографом имеется пояснительная надпись Блока, отражающая последовательность его действий на завершающем этапе работы над рукописью:

«1917–1918.

Последние дни Старого режима.

<...>

Окончена и послана С. Ф. Ольденбургу 3 IV (21 III) 1918.

Взята обратно для исправл<ения> по указ<анию> С. Ф. О<льденбурга> 8 IV
(большая часть красного карандаша в первой части).

Вновь сдана в переписку 19 (6) IV.

Прислана из переписки 27 (14) IV». ⁷⁹

На папке с автографом имеется важная помета о количестве копий рукописи: «Переписывать надо в 4-х экземплярах». ⁸⁰ В одну из подготовленных Блоком сводных таблиц (с длинным названием «Таблица восьмидесяти восьми допросов, произведенных Чрезвычайной Следственной Комиссией под председательством Н. К. Муравьева с 18 марта по 11 октября 1917 года») Блок ввел специальную графу «Распределение экземпляров стенограмм и отчетов», ⁸¹ в которой указал, куда именно направлялись подготовленные материалы. Следует отметить, что обнаружить беловой автограф очерка «Последние дни старого режима» ни в одном из архивов его предполагавшихся получателей (Московский исторический музей, Академия наук — 2 экз., Н. К. Муравьев) не удалось.

Если работа над очерком была в основном завершена к концу апреля, то занятия по обработке текстов стенограмм продолжались. Записи, связанные с делами бывшей Следственной комиссии, встречаются у Блока вплоть до июня 1918 года: 19 мая он поручает матери сверить стенограмму показаний М. В. Родзянко; 17 июня отмечает выплату денег за проделанную работу привлеченному к редактуре В. Н. Ивойлову (ЗК-56, л. 84); 19 июня фиксирует отправку подготовленных текстов получателю («Из Ак<адемии> за стенограммами» — ЗК-56, л. 85).

Настойчивое желание бывших руководителей Следственной комиссии видеть готовившийся Блоком очерк законченным имело, вероятно, под собой и вполне практическое основание — предать его гласности, опубликовав. «Последние дни старого режима» первоначально предполагалось опубликовать в журнале левых эсеров «Наш путь», но, как следует из заметок Блока, не в полном объеме. 16 апреля 1918 года он отметил, что С. Ф. Ольденбург не имеет ничего против напечатания «части моей статьи в „Нашем Пути“», однако рекомендовал согласовать это намерение с Н. К. Муравьевым (ЗК-56, л. 51). Тем временем — после выхода второго номера — журнал был закрыт, и публикация очерка не состоялась.

⁷⁹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212. Л. 1.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Оп. 5. № 27.

Но интерес к появлению подготовленного Блоком материала в печати не угас, и в конце декабря 1918 года полный текст очерка был передан П. Е. Щеголеву в журнал «Былое».⁸² В записной книжке Блок отметил 23 декабря: «Тел<ефон> от Щеголева. Сег<одня> или завтра 6–7 придут за „Посл<едними> днями стар<ого> режима“» (ЗК-56, л. 181 об.), и кратко 24 декабря: «...от Щеголева за статьей» (ЗК-56, л. 182). Однако и в «Былом» судьба очерка складывалась не самым благоприятным образом: из-за ухудшения военного положения Петрограда, резко обострившегося кризиса бумажного и типографского дела⁸³ исторический труд удалось напечатать только осенью 1920 года. Он появился в № 15 издания еще под принятым в Комиссии для соответствующего раздела Отчета заглавием — «Последние дни старого режима».⁸⁴ 8 октября 1920 года Блок отметил: «Около 5-ти Щеголев пришлет „Былое“ (14 и 15) и гонорар» (ЗК-61, л. 22 об.). В тот же день поэт получил экземпляры журнала с очерком и записку от Щеголева:

«Александр Александрович,
посылаю пока экз<емпляр> № 14,
два экз<емпляр> № 15
и 32. 400 руб.
Прошу подписать расписку и вернуть...».⁸⁵

Еще до того, как Блок получил авторские экземпляры издания со своей статьей, в печати стали появляться отклики на его труд. Одним из первых обратил внимание на публикацию автор брошюры об императоре Николае II историк С. Я. Штрайх: его благодарственная заметка в газете «Жизнь искусства» завершалась знаменательным пожеланием: «Умело использовать такой глубоко-драматический материал, как документы о конвульсиях издыхающего царизма в его многообразных проявлениях не всякому под силу <...> Следовало бы издать эту статью Блока отдельной книжкой как прекрасный очерк событий, вызвавших крушение императорской власти...».⁸⁶ В январе 1921 года среди списка произведений, которые Блок намеревался выпустить отдельным изданием, в дневнике он упоминает и публикацию из «Былого»: «Роза и Крест. Илл<юстрации> Добужинского. Последние дни старого режима отдельно. Возмездие».⁸⁷

В отличие от журнальной публикации, напечатанной по старой орфографии, отдельная книга очерка Блока была издана по правилам новой орфографии, хотя известно, что поэт был убежденным сторонником старых форм буквенной графики.⁸⁸ По старой орфографии писалась им датированная июлем 1921 года заметка «От составителя».⁸⁹ Работая над подготовкой издания, Блок вносил незначительную правку в оттиск из «Былого». Во второй половине июля 1921 года (больной поэт уже не вставал)

⁸² Еще до завершения следствия П. Е. Щеголев начал публиковать в журнале собранные Комиссией документы о Г. Распутине и И. Ф. Манасевиче-Мануйлове. См.: [Щеголев П. Е.]. 1) Телеграммы Григория Распутина // Былое. 1917. № 5–6. С. 228–230; 2) Приключения И. Ф. Манасевича-Мануйлова: по архивным материалам // Там же. С. 236–286.

⁸³ Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 171.

⁸⁴ Былое. 1919 [1920]. № 15. С. 3–50. В преамбуле к очерку, написанной в июле 1921 года для его отдельного издания, Блок допустил неточность. Упомянув первую публикацию материала в журнале «Былое» № 15, он указал, что книжка журнала «помечена 1919 годом», а фактически «вышла в 1921 году». Между тем 1919 годом помечен титульный лист издания, на обложке же выставлен 1920.

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. № 473.

⁸⁶ С. Я. [Штрайх С. Я.]. Книжные новости // Жизнь искусства. 1920. 5 окт. № 574. С. 4. См. также: Яковлев С. [Штрайх С. Я.]. Последние дни Николая II: официальные документы: рассказы очевидцев. Пг., 1917. В августе 1919 года Блок подарил С. Я. Штрайху книгу «Катилина» (1919) с дарственной надписью (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 141).

⁸⁷ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 369. Л. 29 об.

⁸⁸ См.: Иванова Е. В. «Я мыслю и чувствую по старой орфографии...» (Блок и реформа орфографии) // Александр Блок: Исследования и материалы / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2020. [Вып. 6]. С. 356–386.

⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 377.

оттиск с исправлениями был передан в издательство «Алконост» С. М. Алянскому. В последней записной книжке за 1921 год Блок тогда же сделал запись для памяти:

«Алконост.

Перед<ано> 19 VII.

Посл<едние> дни импер<аторской> власти — тит<ульный> л<ист> + сост<авитель> + шмуцтит<ул> + печ<атные> стр<аницы> „Былого“ 3–50 с вкл<ючением> 2 мал<еньких> и 1 больш<ой> в конце на пиш<ущей> маш<инке> + шмуцтит<ул> + 6 прил<ожений> на пиш<ущей> маш<инке> (стр. 7 + 3 + 11 + 3 + 14 + 7) + содерж<ание>» (ЗК-1921, л. 26 об.).

Этот оттиск с правкой Блока, по которому и делался набор отдельного издания в типографии, сохранился в архиве поэта.⁹⁰ Дополненный документальными приложениями и под измененным заглавием «Последние дни императорской власти», очерк в виде отдельной брошюры вышел в свет уже после кончины автора — поздней осенью 1921 года.⁹¹ В заметке «От составителя» Блок пояснял, что «деловая часть» книги основана на подлинных документах, в большей части своей не опубликованных.⁹² Заметим, что к черновому автографу очерка документы, включенные в отдельный раздел, приложены в виде машинописи, а не рукописного текста. Предполагалось напечатать эти документы в «Былом» вслед за публикацией в журнале очерка.⁹³

Теперь же в раздел «Приложения» отдельного издания Блок включил эти шесть документов.⁹⁴ Пожелание сопроводить публикацию материалов Следственной комиссии приложением с документами Блок высказывал еще раньше, рассуждая о целесообразности появления в печати стенограмм допросов. «Документы, не оглашенные, — писал он, — а только предъявленные допрашиваемым, в том случае, если это недоступные всем печатные произведения, должны быть даны в виде приложений к тому стенографическим отчетов допросов и напечатаны более мелким шрифтом».⁹⁵ Комиссия, признавая обоснованность такого рода публикации, рассчитывала напечатать отдельный том документов, и этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях.⁹⁶ Включенные в раздел «Приложения» материалы являются, возможно, фрагментами этой так и не появившейся в печати книги документов Следственной комиссии. Лишь некоторая их часть была воспроизведена в 1922 году в эмигрантском издании «Архив русской революции» в разделе «Документы и письма»⁹⁷ вслед за напечатанным в предыдущем номере блоковским очерком.⁹⁸ Сформированный Блоком в конце очерка небольшой раздел «Приложения» сохраняет значение документального первоисточника, имеющего важное историографическое значение, так как оригиналы помещенных в нем материалов (кроме письма великого князя Александра Михайловича к императору) разыскать до сих пор не удалось.⁹⁹

Примечательной особенностью отдельного издания очерка является его неожиданная концовка. Журнальная редакция завершалась сообщением о заключении 8 марта

⁹⁰ Там же. № 212. Номер «Былого» с очерком был подарен постоянно навещавшему больного Блока доктору А. Г. Пекелису. В записной книжке поэта отмечено: «А. Г. Пекелис — „Былое“ № 15» (ЗК-1921, л. 63). Этой фразой и заканчивается последняя записная книжка Блока.

⁹¹ Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. Л., 1985. Кн. 2. С. 200. Экземпляр этой последней подготовленной Блоком к печати книги с пометой на шмуцтителе рукой Л. Д. Блок: «Получ<ена> 17/XI-21» — представлен в библиотеке поэта в Пушкинском Доме.

⁹² См.: Александров А. С. О документальной основе очерка «Последние дни императорской власти». С. 324–343.

⁹³ Редакционное примечание о публикации документальных приложений см.: Блок А. А. Последние дни старого режима // Былое. 1919 [1920]. № 15. С. 3.

⁹⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212.

⁹⁵ Там же. Оп. 5. № 26. Л. 3 об.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. № 220.

⁹⁷ Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 333–344.

⁹⁸ Блок А. А. Последние дни старого режима // Там же. Т. 4. С. 5–54.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. № 1143. Л. 80–85.

1917 года монарха в Александровском дворце в Царском Селе. В новом издании очерк был дополнен обращенной к Николаю II в связи с его отречением от престола анонимной телеграммой: «Только со своим Богом данным Царем Россия может быть велика, сильна и крепка и достигнуть мира, благоденствия и счастья».¹⁰⁰ Имя автора телеграммы генерала Ф. А. Келлера, оставшегося верным монархической идее и не признавшего Временному правительству, не называлось, хотя в первой журнальной редакции оно упоминалось, но текст самого послания отсутствовал. Во второй главе журнальной редакции очерка Блок ограничился общим замечанием, пометив авторской ремаркой следующий текст: «Не лишена, наконец, интереса телеграмма командира третьего конного корпуса графа Келлера, отправленная царю уже после отречения».¹⁰¹ В черновом автографе под этим текстом Блок пометил: «см. приложение VI».¹⁰² Таким образом, телеграмма генерала Келлера первоначально предназначалась для помещения в раздел «Приложения». Позднее Блок приписал сбоку: «Это — в конце для эффекта».¹⁰³ На отгиске из журнала, с которого делался набор книги, поэт густо зачеркнул всю фразу о телеграмме графа Келлера,¹⁰⁴ а в книге это верноподданническое обращение перенес уже в основной текст и им фактически завершил смысловое содержание очерка; в «Приложении» же поместил только шесть документов, а не семь, как планировалось первоначально.

Нельзя не обратить внимания и еще на одну существенную особенность отдельного издания — указание на авторство, как оно сформулировано на обложке и титульном листе книги: поэт здесь определен только как составитель. Примечательно, что публикация очерка в журнале «Былое» завершалась подписью: «Александр Блок». Сняв это определение в книге, Блок, возможно, желал тем самым подчеркнуть документальный характер издания и отсутствие в нем собственных оценок упоминаемых лиц и происшедших событий. Однако присутствие в ней автора не укрылось от внимательного взора современников. Это ощущение личного присутствия поэта в тексте тонко уловил и отметил в своей рецензии М. М. Пришвин, написавший о том, что лишь на первый взгляд в этой небольшой книге кажется «нет ничего блоковского, и только опытный читатель узнает в ней поэта в изысканной отчетливости выступающих фактов».¹⁰⁵ О существовании дополнительных мотивов (в том числе нравственного порядка), способных побудить Блока «отказаться» от авторства очерка в 1921 году, можно только строить предположения. Справедливым будет лишь отметить, что работа над очерком начата и протекала в то время, когда одухотворенный высоким пафосом совершавшихся событий поэт мог говорить о себе: «...содержанием всей моей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия»,¹⁰⁶ а завершение ее пришло во время крушения этих романтических ожиданий, когда Блок с горечью решил заметить: «...слопала-таки поганая, гнившая, родимая матушка Россия, как чушка — своего поросенка».¹⁰⁷

Впрочем, тот исторический вывод, на который рассчитывали вдохновители миссии ЧСК, был достигнут публикацией очерка. Современники разглядели в его содержании то, что и должны были увидеть: приговор монархии. «Читатель убеждается, что самодержавие сгнило...» — писал в рецензии Ив. Книжник.¹⁰⁸ «Самодержавие

¹⁰⁰ Блок А. А. Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 125.

¹⁰¹ Блок А. А. Последние дни старого режима // Былое. 1919 [1920]. № 15. С. 19.

¹⁰² На обложке рукописи помечено, что в очерк входят семь дополнительно включаемых документов: «Последние дни Старого режима (рукопись — содержание + стр. 53 + 66 + Приложение) (I–VII)» — ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 212.

¹⁰³ Там же. Л. 46.

¹⁰⁴ Там же. Л. 130.

¹⁰⁵ Пришвин М. М. [Рец. на:] Блок А. Последние дни императорской власти // Феникс. М., 1922. Кн. 1. С. 178.

¹⁰⁶ А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка, 1901–1917. С. 630 (письмо от 21 июня 1917 года).

¹⁰⁷ Цит. по: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 210, 218, 223, 226.

¹⁰⁸ Книжник Ив. [Рец. на:] Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Петербург. 1921. Изд. Алконост // Красная летопись. 1922. № 2/3. С. 443.

сгнило», но страстно ожидаемое Блоком «новое» не торопилось нарождаться ни в сознании людей, ни в окружающей жизни. Быть может, поэтому Блок и снял с себя ответственность за этот составленный при его участии нравственный приговор самодержавной власти, который прозвучал в «Последних днях императорской власти»? Ведь оправдать его могла бы только новая, справедливая жизнь, а Блоку теперь видятся «тусклые глаза большевиков <...> — глаза убийц» (ЗК-1921, л. 24), в его представлении «новые люди» едва ли лучше прежних, а значит, история повторяется: «За рабовладельцем Лениным придет рабовладелец Милюков, или другой, и т. д.» (ЗК-60, л. 39 об.).

Какими бы соображениями ни руководствовался Блок, снимая свое «авторство», очерк «Последние дни императорской власти» останется не только историко-литературным памятником творческих занятий поэта в последний отрезок его короткой жизни, но и свидетельством известных его умонастроений в эпоху высоких революционно-романтических ожиданий, предчувствий перемен в жизни России и лично для себя. Неизбывная жажда обновления бытия, готовность ринуться в неравный бой за это «новое» породили в художническом сознании Блока неоправданно смелые чаяния и сотворили принятый им за программу действия возвышенный жизнестроительный миф. Но давняя романтическая мечта поэта о цветении нового «соловьиного сада» не сбылась.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-135-160

© Г. В. Кунцын, © Д. К. Поливанова, © К. М. Поливанов

«ПЯТЬ ПОВЕСТЕЙ» Б. Л. ПАСТЕРНАКА ОБ ИСКУССТВЕ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦИКЛА*

«Пять повестей» — вступительный цикл книги «Темы и вариации», именно в нем задаются основные «темы», проходящие сквозь всю книгу. В самом цикле они образуют законченный сюжет: приход вдохновения — встреча с поэзией/любовью — любовный/творческий экстаз — его дьявольский соблазн — преодоление соблазнов. Каждой из «повестей» в разной мере соответствуют вариации видов искусства — поэзии, музыки, театра, живописи, вариации биографии и текстов Шекспира, Гете, Пушкина и Блока. К примеру, уже само заглавие «Пять повестей» вызывает в памяти «Повести Белкина».

ВДОХНОВЕНИЕ

По заборам бегут амбразуры,
Образуются бреши в стене,
Когда ночь оглашается фурией
Повестей, неизвестных весне.

Без клещей приближение фургона
Вырывает из ниш костыли
Только гулом свершенных прогонов,
Подымающих пыль издали.

Этот грохот им слышен впервые.
Завтра, завтра понять я вам дам,
Как рвались из ворот мостовые,
Вылетая по жарким следам.

* Настоящая статья продолжает начатый нами в предшествующих работах последовательный анализ циклов четвертой книги стихов Бориса Пастернака «Темы и вариации».

The article deals with the 140th anniversary of the birth of Vasilii Kamenskii (1884–1961) — a Futurist poet, prose writer, actor, aviator and painter. His multifaceted activities in Tiflis, Baku, Kutaisi, Batumi in 1916–1920 are presented here, mainly drawing on the reports in the Transcaucasian periodical press. In these cities, he gave a number of lectures mostly on Futurism, performed in the circus of Yesikovskiy Brothers, widely interacted with Armenian, Georgian literary milieu. In Tiflis, he published a collection of poems *Barefoot Girls* and the long poem *Tsuvamma* as a separate book. In November 1919, the 10th anniversary of Kamenskii's literary career was celebrated in Tiflis, and essays on his work were published in the periodical press. The interest of the broad public of Tiflis, Batumi, Kutaisi and Baku in the art of Kamenskii and especially in his work *Stenka Razin* has not faded throughout the years, which makes him one of the first Russian literary figures to leave a noticeable trace in the Transcaucasian literary environment.

Key words: V. Kamenskii, V. Goltsschmit, Transcaucasia, periodical press, lectures, poem and play *Stenka Razin*, circus, Kara-Darvish.

Список литературы

1. Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. М., 2003. Т. 2. Кн. 2. Футуристическая революция (1917–1921).
2. Василий Каменский. Материалы и исследования / Науч. ред. и сост. Н. Фиртич. СПб., 2019.
3. Гинц С. Василий Каменский. Пермь, 1974.
4. Закарян А. Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье (1916–1921 гг.). Ереван, 2015.
5. Катанян В. Из воспоминаний // L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982.
6. Казакова С. А. Творческая самопрезентация Василия Каменского и ее отражение в периодике 1910–1920-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
7. Каменский В. Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. Пермь, 1968.
8. Никольская Т. Друг цирка // Советская эстрада и цирк. 1985. № 1.

References

1. Gints S. Vasilii Kamenskii. Perm', 1974.
2. Kamenskii V. Put' entuziasta. Avtobiograficheskaja kniga. Perm', 1968.
3. Katanian V. Iz vospominanii // L'avanguardia a Tiflis. Venezia, 1982.
4. Kazakova S. A. Tvorcheskaia samoprezentatsiia Vasiliia Kamenskogo i ee otrazhenie v periodike 1910–1920-kh godov. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2018.
5. Krusanov A. V. Russkii avangard. 1907–1932 (Istoricheskii obzor): V 3 t. M., 2003. T. 2. Kn. 2. Futuristicheskaja revoliutsiia (1917–1921).
6. Nikol'skaia T. Drug tsirka // Sovetskaia estrada i tsirk. 1985. № 1.
7. Vasilii Kamenskii. Materialy i issledovaniia / Nauch. red. i sost. N. Firtich. SPb., 2019.
8. Zakarian A. Sergei Gorodetskii v Zapadnoi Armenii i v Zakavkaz'e (1916–1921 gg.). Erevan, 2015.

Елена Ивановна Гончарова

старший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Ivanovna Goncharova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1441-7037

el-goncharova@yandex.ru

**ЛЕТОПИСЕЦ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ
(А. А. БЛОК В РАБОТЕ НАД ДОКУМЕНТАМИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)**

**THE CHRONICLER OF THE RUSSIAN EMPIRE'S LAST DAYS
(A. A. BLOK AND HIS DUTY WORK ON THE PROCEEDINGS
OF THE EXTRAORDINARY INVESTIGATIVE COMMISSION,
RUSSIAN PROVISIONAL GOVERNMENT)**

В статье рассматриваются итоги службы А. А. Блока главным редактором стенограмм допросов царских сановников Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, привлекаются архивные материалы. На основе исследования документов сделано заключение, что поэт проделал колоссальную работу по литературной обработке стенограмм. Очерк Блока «Последние дни императорской власти», основанный на документах, собранных ЧСК, вместе с семитомным изданием стенограмм допросов «Падение царского режима» (вышли под редакцией П. Е. Щеголева) — результат деятельности Блока в Комиссии в 1917 году.

Ключевые слова: Февральская революция, Чрезвычайная следственная комиссия, Временное правительство, биография А. А. Блока, очерк «Последние дни императорской власти», редактор, документы, стенограммы.

Based on newly found and partly unpublished archival data, the article offers an in-depth insight into the studies of the prominent Russian poet and writer A. A. Blok's duty activities as a staff member of the Extraordinary Investigative Commission (EIC) set up by the Russian Provisional Government in early March 1917 to check the eventual illegal actions of the ex officio Ministers. The study provides a comprehensive analysis of the duty specifics and key features of A. Blok's responsibilities as a member of a special task group of professional editors within the EIC, to check and stylistically improve the verbal interrogation texts originally written in shorthand. Enormous amounts of work and time invested into this job resulted in a comprehensive historiographic essay *Last Days of the Russian Empire (Poslednie Dni Imperatorskoj Vlasti. Petrograd, 1921)* supported by extensive documentary source data, accumulated by EIC, and in an unprecedented volume of checked and stylistically improved read back shorthand records of interrogations held by the EIC Board — the poet's valuable contribution to its later publication (*The Fall of the Tsar's Regimen = Padenie Tsarskogo Rezhima*, in 7 volumes, 1924–1927) edited by the historian P. E. Tschjogolev.

Key words: February Revolution, Extraordinary Investigative Commission (EIC), Provisional Government, Alexander Blok Biography, the Essay *Last Days of the Russian Empire*, editor, documentary data, texts written in shorthand.

Список литературы

1. А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка, 1901–1917 / [Предисловие Д. М. Магомедовой; послесловие Ю. Е. Галаниной; комм. Ю. Е. Галаниной и др.; под науч. ред. А. В. Лаврова]. М., 2017.
2. Александров А. С. О документальной основе очерка «Последние дни императорской власти» // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 4.
3. Александров А. С. «Я выбрал для пробы главу о Протопопове...»: Из истории очерка «Последние дни императорской власти» // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9. № 3.
4. Блок А. А. Записные книжки 1901–1920 / [Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова]. М., 1965.
5. Блок А. А. Письма к родным / Предисловие М. Бекетовой. М., 2015.
6. Блок А. А. Последние дни Императорской власти. М., 2012.
7. Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6.
8. Блок А. Дневник / Подг. текста, вступ. статья, прим. А. Л. Гришунина. М., 1989.
9. Варфоломеев Ю. В. Закон и трепет: Очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Саратов, 2006.
10. Варфоломеев Ю. В. Николай Константинович Муравьев: адвокат, политик, человек. Саратов, 2007.
11. Варфоломеев Ю. В. Особенности работы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства после октябрьского переворота // *Базис*. 2020. № 2 (8).
12. Варфоломеев Ю. В. Проведение допросов Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства // *Известия Саратовского ун-та. Сер.: Экономика. Управление. Право*. 2008. Т. 8. Вып. 1.
13. Гальперина Б. Д. Работа А. А. Блока «Последние дни императорской власти» // Петербургская историческая школа. Альманах: Приложение к журналу для ученых «Клио». 2-ой год выпуска: Памяти В. И. Старцева. СПб., 2002.
14. Гиннцус З. Н. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста, прим. А. В. Лаврова. СПб., 2006.
15. Гуревич Л. Я. Из воспоминаний о Блоке // *Лит. наследство*. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.

16. Емельянов Е. В. Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. М., 2012.
17. Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб., 2012.
18. Иванова Е. В. «Я мыслю и чувствую по старой орфографии...» (Блок и реформа орфографии) // Александр Блок: Исследования и материалы / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2020. [Вып. 6].
19. Иванова Е. В. Январская трилогия Александра Блока: «Интеллигенция и революция», «Двенадцать», «Скифы». М., 2020.
20. Интересная находка (Протокол допроса В. Н. Коковцева Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в сентябре 1917 года) / Вступ. статья, публ., комм. А. Л. Сидорова // Вопросы истории. 1964. № 2, 4.
21. Иоффе Г. З. А. Блок — историк крушения царизма // История и историки: Историографический ежегодник. 1979 год. М., 1982.
22. Иоффе Г. З. Александр Блок как историк падения монархии (К 90-летию Февральской революции) // Новый журнал (Нью-Йорк). 2007. № 246.
23. Ливчак Б. Ф. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами А. Блока // Вопросы истории. 1977. № 2.
24. Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.
25. Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
26. Перегудова З. И. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А. А. Последние дни Императорской власти / Сост. С. С. Лесневский и З. И. Перегудова. М., 2012.
27. Перегудова З. И. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Пути и выбор историка: К 80-летию профессора В. В. Шелохаева. М., 2021.
28. Пирумова Н. М., Шацлло К. Ф. «Демократия опоясана бурей». Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия // Наука и жизнь. 1970. № 10.
29. Поливанов О. А. «Сводка событий» А. А. Блока предреволюционных и февральских дней 1917 г. // Блок А. А. Последние дни Императорской власти. М., 2012.
30. Смольянинов М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. М., 2007.
31. Спивак М. Л. К вопросу об источниках характеристик в «Последних днях императорских власти» А. А. Блока: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин» и «недружный... Совет министров» // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы / Отв. ред. В. В. Полонский. М., 2017.
32. Спивак М. Л. Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов в политической публицистике А. А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8 (17).
33. Спивак М. Л. Сбежавший прокурор, пропавшая княгиня и дерзкая фрейлина: об ошибках в «Последних днях императорской власти» и записях А. А. Блока 1917 года // Русская литература. 2017. № 3.
34. Спроге Л. «Роковой человек»: к материалам о ЧСК (Блок и С. А. Коренев) // Блоковские чтения — 2020. Материалы юбилейной международной научной конференции к 140-летию со дня рождения Александра Блока и 40-летию Музея-квартиры А. А. Блока, прошедшей 26–28 ноября 2020 года / [Сост. Н. Ю. Грякалова; отв. ред. И. А. Карпенко]. СПб., 2022.
35. Шобельская [Шабельская] Г. А. Новое о Блоке // Вопросы литературы. 1962. № 1.

References

1. A. A. Blok — L. D. Mendeleeva-Blok. *Perepiska, 1901–1917* / [Predislovie D. M. Magomedovoi; posleslovie Iu. E. Galaninovi; komm. Iu. E. Galaninovi i dr.; pod nauch. red. A. V. Lavrova]. M., 2017.
2. Aleksandrov A. S. «Ja vybral dlia proby glavu o Protopopove...»: Iz istorii ocherka «Poslednie dni imperatorskoi vlasti» // Studia Litterarum. 2024. T. 9. № 3.
3. Aleksandrov A. S. O dokumental'noi osnove ocherka «Poslednie dni imperatorskoi vlasti» // Studia Litterarum. 2023. T. 8. № 4.
4. Blok A. *Dnevnik* / Podg. teksta, vstup. stat'ia, prim. A. L. Grishunina. M., 1989.
5. Blok A. A. Pis'ma k rodnym / Predislovie M. Bekevtovi. M., 2015.
6. Blok A. A. *Poslednie dni Imperatorskoi vlasti*. M., 2012.
7. Blok A. A. *Sobr. soch.*: V 8 t. M.; L., 1962. T. 6.

8. Blok A. A. Zapisnye knizhki 1901–1920 / [Sost., podg. teksta, predislovie i prim. V. N. Orlova]. M., 1965.
9. *Emel'ianov E. V.* Poet Aleksandr Blok i Chrezvychainaia sledstvennaia komissiiia 1917 g. // Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.). K 80-letiiu chlena-korrespondenta RAN V. I. Buganova. M., 2012.
10. *Gal'perina B. D.* Rabota A. A. Bloka «Poslednie dni imperatorskoi vlasti» // Peterburgskaia istoricheskaia shkola. Al'manakh: Prilozhenie k zhurnalu dlia uchenykh «Klio». 2-oi god vypuska: Pamiati V. I. Startseva. SPb., 2002.
11. *Gippius Z. N.* Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta, prim. A. V. Lavrova. SPb., 2006.
12. *Gurevich L. Ia.* Iz vospominanii o Bloke // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.
13. Interesnaia nakhodka (Protokol doprosa V. N. Kokovtseva Chrezvychainoi sledstvennoi komissiei Vremennogo pravitel'stva v sentiabre 1917 goda) / Vstup. stat'ia, publ., komm. A. L. Sidorova // Voprosy istorii. 1964. № 2, 4.
14. *Ioffe G. Z. A.* Blok — istorik krusheniia tsarizma // Istoriia i istoriki: Istoriograficheskii ezhegodnik. 1979 god. M., 1982.
15. *Ioffe G. Z.* Aleksandr Blok kak istorik padeniia monarkhii (K 90-letiiu Fevral'skoi revoliutsii) // Novyi zhurnal (N'iu-Iork). 2007. № 246.
16. *Ivanova E. V.* Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni. SPb., 2012.
17. *Ivanova E. V.* «Ia mysliu i chuvstvuiu po staroi orfografii...» (Blok i reforma orfografii) // Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy / Otv. red. N. Iu. Griakalova. SPb., 2020. [Vyp. 6].
18. *Ivanova E. V.* Ianvarskaia trilogiia Aleksandra Bloka: «Intelligentsiia i revoliutsiia», «Dve nadtsat'», «Skify». M., 2020.
19. Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.
20. *Livchak B. F.* Chrezvychainaia sledstvennaia komissiiia Vremennogo pravitel'stva glazami A. Bloka // Voprosy istorii. 1977. № 2.
21. *Miliukov P. N.* Vospominaniia. M., 1991.
22. *Peregudova Z. I.* Chrezvychainaia sledstvennaia komissiiia dlia rassledovaniia protivozakonnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok // Blok A. A. Poslednie dni Imperatorskoi vlasti / Sost. S. S. Lesnevskii i Z. I. Peregudova. M., 2012.
23. *Peregudova Z. I.* Materialy Chrezvychainoi sledstvennoi komissii dlia rassledovaniia protivozakonnykh po dolzhnosti deistvii byvshikh ministrov i prochikh vysshikh dolzhnostnykh lits i Aleksandr Blok // Puti i vybor istorika: K 80-letiiu professora V. V. Shelokhaeva. M., 2021.
24. *Pirumova N. M., Shatsillo K. F.* «Demokratiia opoiasana burei». Aleksandr Blok i Chrezvychainaia sledstvennaia komissiiia // Nauka i zhizn'. 1970. № 10.
25. *Polivanov O. A.* «Svodka sobytii» A. A. Bloka predrevoliutsionnykh i fevral'skikh dnei 1917 g. // Blok A. A. Poslednie dni Imperatorskoi vlasti. M., 2012.
26. *Shobel'skaia [Shabel'skaia] G. A.* Novoe o Bloke // Voprosy literatury. 1962. № 1.
27. *Smol'ianinov M. M.* Moral'no-boevoe sostoianie rossiiskikh voisk Zapadnogo fronta v 1917 godu. M., 2007.
28. *Spivak M. L.* K voprosu ob istochnikakh kharakteristik v «Poslednikh dniakh imperatorskikh vlasti» A. A. Bloka: «Tsar', imperatritsa, Vyrubova, Rasputin» i «nedruzhnyi... Sovet ministrov» // Perelom 1917 goda: Revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury: Issledovaniia i materialy / Otv. red. V. V. Polonskii. M., 2017.
29. *Spivak M. L.* Poslednii tsarskii ministr vnutrennikh del A. D. Protopopov v politicheskoi publitsistike A. A. Bloka i ego sovremennikov // Vestnik RGGU. Ser. «Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie». 2016. № 8 (17).
30. *Spivak M. L.* Sbezhasvshii prokuror, propavshaia kniaginia i derziashchaia freilina: ob oshibkakh v «Poslednikh dniakh imperatorskoi vlasti» i zapisiakh A. A. Bloka 1917 goda // Russkaia literatura. 2017. № 3.
31. *Sproge L.* «Rokovoi chelovek»: k materialam o ChSK (Blok i S. A. Korenev) // Blokovskie chteniia — 2020. Materialy iubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 140-letiiu so dnia rozhdeniia Aleksandra Bloka i 40-letiiu Muzeia-kvartiry A. A. Bloka, proshedshei 26–28 noiabria 2020 goda / [Sost. N. Iu. Griakalova; otv. red. I. A. Karpenko]. SPb., 2022.
32. *Varfolomeev Iu. V.* Nikolai Konstantinovich Murav'ev: advokat, politik, chelovek. Saratov, 2007.
33. *Varfolomeev Iu. V.* Osobennosti raboty Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva posle oktiabr'skogo perevorota // Bazar. 2020. № 2 (8).
34. *Varfolomeev Iu. V.* Provedenie doprosov Chrezvychainoi sledstvennoi komissiei Vremennogo pravitel'stva // Izvestiia Saratovskogo un-ta. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2008. T. 8. Vyp. 1.
35. *Varfolomeev Iu. V.* Zakon i trepet: Ocherk deiatel'nosti Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. Saratov, 2006.